

Литература

- 1 Законы гражданские // Свод законов Российской империи: в 16 т. – Санкт-Петербург, 1900. – Т. 10, ч. 1. – 575 с.
- 2 Нижник, Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. – Санкт-Петербург : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 272 с.
- 3 Синодский указ «О расторжении брака, по причине побега или долговременного отсутствия мужа, или жены» от 25 сент. 1810 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I : в 45 т. – Т. 31. – № 24360.
- 4 Загоровский, А. О разводе по русскому праву / А. Загоровский. Харьков : Тип. М. Ф. Зильберберга, 1884. – 490 с.
- 5 Дело о разрешении вторичного вступления в брак крестьянину д. Чемерисы Речицкого пов. Н. Пехоте в связи с 17-летним отсутствием жены // НИАБ в г. Минск. – Фонд 136. – Опись 1. – Дело № 763.
- 6 Способин, А. О разводе в России. – Москва : тип. М. Н. Лаврова и К°, 1881. – 204 с.
- 7 Дело по прошению крестьянки д. Курятичи Мозырского пов. Н. Ивановой о разрешении вступить во второй брак в связи с отсутствием ее мужа в течение 12 лет // НИАБ в г. Минск. – Фонд 136. – Опись 1. – Дело № 2584.
- 8 Устав духовных консисторий : с дополнениями и разъяснениями Святейшего Синода и Правительствующего Сената / Составил М. Н. Палибин. – Изд. неофиц. – Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1900. – VIII, 232 с.
- 9 Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 7 марта «О пояснениях и исправлениях узаконений о действительности и законности браков и о детях, от сих браков рожденных» от 6 февр. 1850 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II : в 55 т. – Т. 15. – № 23906.
- 10 Грахоцкі, А. П. Нормы царкоўнага права ў шлюбаразводным працэсе другой паловы XIX – пачатку XX ст. (па матэрыялах Мінскай епархіі) / А. П. Грахоцкі // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2010. – № 3. – С. 55–67.
- 11 Высочайше утвержденные Правила производства дел о расторжении браков по неизвестному отсутствию одного из супругов от 14 янв. 1895 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II : в 55 т. – Т. 15. – № 11257.
- 12 Высочайшее повеление, объявленное Министром Юстиции (Собр. Узак. 21 февраля 1904 г., отд. I, ст. 245) «О перечне дел, на изменение порядка разрешения коих воспоследовало, 10 декабря 1903 года, Высочайшее Его Императорского Величества соизволение» от 10 дек. 1903 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III : в 33 т. – Т. 23. – № 23675.

УДК 347.191

К. А. Кодола

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 2023 ГОДА

В настоящей статье анализируются особенности заключения отдельных договоров в контексте изменений гражданского законодательства, в частности, особенности заключения договора с учетом положений об опционе, а также подлежит исследованию вопрос ограничения прав на иск об установлении факта ничтожности и об оспаривании договора, заключенного для предпринимательских нужд.

Закон Республики Беларусь «Об изменении Кодексов» от 13 ноября 2023 года (Далее – Закон) предусматривает изменения и дополнения в Гражданский Кодекс, которые существенно изменяют гражданско-правовое регулирование договорных отношений между участниками соответствующих правоотношений или отдельно взятые правовые статусы конкретных субъектов и которые вступят в силу 19 ноября 2024 года. Эти изменения и дополнения затронут регламентацию порядка заключения договоров с учетом положений об опционе и заверениях индивидуальных предпринимателей в рамках ограничения их прав на оспаривание факта заключения договоров, на иск о признании недействительным оспоримого договора, на иск об установлении факта ничтожности договора, не соответствующего законодательству.

Впервые положения о предоставлении опциона на заключение договора и о заключении опционного договора были выражены в качестве правового эксперимента для апробации новых правовых институтов на предмет возможности их имплементации в гражданское законодательство в рамках развития Парка высоких технологий, установленных Декретом Президента Республики Беларусь № 8 «О цифровом развитии экономики» от 19 декабря 2017 года (Далее – Декрет). Подпункт 2 пункта 5 Декрета установил понятие и общие положения опциона на заключение договора, которые позже легли в основу изменений и дополнений в Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года (далее – ГК), закрепленные вышеупомянутым Законом. Предоставление опциона на основании соответствующего соглашения (ст. 399.1 новой редакции ГК) представляет собой возникновение обязательства предоставляющей стороны, выражающегося в заключении одного или нескольких договоров на условиях, предусмотренных опционом на заключение договора, но только если вторая сторона потребует их заключения. Другая сторона имеет право заключить договор путем непосредственного заявления о реализации соответствующего права, что подобно акцепту, полученной оферты в порядке, в сроки и на условиях, которые предусмотрены опционом на заключение договора [1]. Но здесь следует остановиться на том, что порядок заключения может быть осложнен определенными сторонами условиями, другими словами, акцепт возможен только при наступлении предусмотренного опционом на заключение договора условиях. Важным моментом является то, что опцион на заключение договора заключается в форме, установленной для договора, подлежащего заключению. Устанавливается требование относительно наличия условий, позволяющих определить предмет и другие существенные условия договора, подлежащего заключению, что вполне очевидно в контексте сущности гражданско-правового договора. При этом в отличие от акцептованной оферты или заключения основного договора на основании предварительного (ст. 399 ГК), согласование существенных условий представляет собой определенную проблему, обусловленную тем, что, ст. 399-1 новой редакции ГК обязывает согласование (закрепление) в опциональном соглашении только предмета заключаемого договора без указания на иные существенные условия.

От соглашения о предоставлении опциона следует отличать опционный договор. Опционный договор порождает уже не обязанность заключения определенного договора для одной стороны и право требовать этого – для другой, а обязанность одной стороны исполнить конкретное обязательство, но только в случае, если вторая сторона этого потребует (пожелает). Исходя из опционного договора одна сторона на условиях, предусмотренных этим договором, вправе потребовать в установленный договором срок от другой стороны исполнить определенное обязательство, в том числе путем совершения действий, предусмотренных опционным договором, например, уплатить денежные средства, передать имущество или исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности. Если управомоченная сторона не заявит требование в соответствующий срок, опционный договор прекращается. Опцион на заключение договора может быть предоставлен за плату или иное встречное предоставление со стороны потенциального

акцептанта. Опционы нередко встречаются в мировой, в том числе российской, практике и способствуют решению ряда специфических задач, например, достижению предсказуемости отчуждения акций (долей) в рамках совместных предприятий, создание возможностей для плавного входа на новые для инвестора рынки или по выходу из них в случае наступления определенных обстоятельств и т. д.

Заверения в обстоятельствах в перспективе также будут играть значительную роль в гражданско-правовом регулировании договорных отношений. Возмещение имущественных потерь, детерминированных предоставлением недостоверных заверений в обстоятельствах, имеющих значимость для заключения договора, его исполнения либо прекращения, предусмотрено частями 4 и 5 подпункта 4 пункта 5 Декрета. Дополнение Гражданского Кодекса статьей 401-2 «Заверения в обстоятельствах» нацелено, кроме того, на уменьшение противоречий с гражданским законодательством Российской Федерации, Гражданский кодекс которой содержит статью 431.2 «Заверения об обстоятельствах» [2]. Положение Закона же дает следующую характеристику: «Сторона, которая при заключении договора предоставила другой стороне недостоверные заверения в обстоятельствах, имеющих значение для заключения договора, его исполнения или прекращения (в том числе относящихся к предмету договора, полномочиям на его заключение, соответствию договора применимому к нему праву, наличию необходимых лицензий, специальных разрешений (лицензий), своему финансовому состоянию, наличию прав на материальные или нематериальные активы либо относящихся к третьему лицу и др.), обязана по требованию другой стороны возместить ей реальный ущерб, причиненный недостоверностью таких заверений, и выплатить неустойку, если таковая предусмотрена договором. Признание договора незаключенным или недействительным, установление факта его ничтожности не освобождают от исполнения обязанности, указанной в части первой настоящего пункта» [3]. Далее законодатель допускает отказ от договора полагавшейся на недостоверные заверения стороной в случае, если они имели существенное значение для этой стороны и если иное не установлено соглашением. Интересное нововведение в конце положения гласит, что изложенные правила не распространяются на правоотношения с участием хозяйственных обществ, чьи акции, доли в уставных фондах принадлежат государству, государственным юридическим лицам. Данное правило может иметь несколько вариантов толкования. При этом более обоснованным с точки зрения ряда принципов гражданского права, закрепленных в ст. 2 ГК, представляется системный вариант, в соответствии с которым право на взыскание убытков, возникших вследствие недостоверных заверений, не распространяются на правоотношения, двумя и более участниками которых выступали государственные организации или хозяйственные общества с участием государства. Однако нельзя исключать и буквальный вариант толкования ст. 401-2, в соответствии с которым в правоотношениях, возникающих по поводу заключения договора между государственной организацией и иным субъектом, только государственная организация или общество с участием государства пользуются иммунитетом от взыскания убытков, возникших вследствие заведомо недостоверного заверения в обстоятельствах.

Закрепленная Законом статья 401-1 Гражданского Кодекса устанавливает, что сторона, принявшая от другой стороны исполнение по договору, связанному с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, и при этом полностью или частично не исполнила свое обязательство, не вправе требовать установления факта ничтожности договора, не соответствующего законодательству, и применения последствий его недействительности либо признания договора недействительным, за исключением случаев признания договора недействительным по основаниям, предусмотренными статьями 174, 179 и 180 ГК, и в том числе если предоставленное другой стороной исполнение связано с заведомо недобросовестными действиями этой стороны. Уже можно констатировать, что такое положение в определенных ситуациях затрудняет

защиту некоторыми субъектами правоотношений своих прав: к примеру, честный покупатель чужого индивидуально-определенного имущества, который не знал и не должен был знать о недействительности сделок собственника и иных дальнейших незаконных покупателей, не в полном объеме оплативший вещь в пользу предшествующих незаконных приобретателей в цепочке недействительных договоров, в силу ограничения предусмотренного статьей 401-1 Гражданского Кодекса не имеет возможность взыскать с предшествующего незаконного приобретателя в порядке реституции уплаченную часть стоимости. Или же юридическое лицо, чей исполнительный орган не получил согласие на заключение договоров от высших или наблюдательных органов, а также участников и акционеров, способно в зависимости от толкования указанного правила утратить возможность оспорить соответствующие сделки уже по факту частичного принятия их исполнения директором.

Следовательно, представляется разумным рассмотреть вопрос о возможности дополнения статьи 401-1, предусмотренной Законом положением об исключении действия запрета на заявление требований, связанных с недействительностью договоров независимо от принятия их исполнения с учетом соотношения интересов сторон и доступности иных способов защиты нарушенных имущественных интересов принявшей исполнения стороны [4].

Принцип «эстоппель» и норма статьи 167 ГК реализуются за счёт дополнения статьи 402 Гражданского Кодекса: «Сторона, принявшая от другой стороны полное или частичное исполнение по договору, связанному с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, либо иным образом подтвердившая действие такого договора, не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если заявление такого требования с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности участников гражданских правоотношений», – возможность признания договора незаключенным применяется в основном недобросовестными должниками в целях защиты от притязаний кредиторов, направленных на применение мер договорной ответственности за несоблюдение обязательств. Подразумевается, что включение в ГК указанного правила об оспаривании заключенного договора будет нацелено на обеспечение стабильности договоров и исключение злоупотреблений со стороны бесчестных должников.

В заключение можно сказать: нововведения, вступающие в силу в ноябре 2024 года, дают начала новым институтам права, которые содействуют охране прав и законных интересов субъектов гражданских правоотношений вместе с учетом степени их добросовестности. Дают возможность увеличить стабильность договорных обязательственных правоотношений с участием субъектов предпринимательства, однако в тоже время они требуют совершенствования с целью обеспечения разумной достаточности уровня защиты имущественных интересов данных субъектов в отдельных ситуациях.

Литература

1 О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Республики Беларусь 21 декабря 2017 г. № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: www.etalononline.by. – Дата доступа: 09.04.2024.

2 Борчук, Ю. З. Обзор основных новелл Гражданского кодекса Республики Беларусь [Электронный ресурс] : материалы статьи, 24 нояб. 2023 г. / Ю. З. Борчук, Д. М. Буга, А. Г. Демиденко, В. Н. Скачко, А. П. Третьякова, Е. В. Шаршун // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE». – 2023. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=u02302342&q_id=10557523. – Дата доступа: 31.03.2024.

3 Об изменении кодексов [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь 13 ноября 2023 г. № 312-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: www.etalononline.by – Дата доступа: 10.04.2024.

4 Михайлов, Д. И. Договорные отношения с участием субъектов предпринимательства в контексте проекта изменений гражданского законодательства Республики Беларусь / Д. И. Михайлов // Приоритетные направления развития правовой системы общества: материалы IX Международной научно-практической конференции (Гомель, 12–13 мая 2022 года): в 2 ч. Ч. 2 / редкол. И. И. Эсмантович [и др.]; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. – С. 170–174.

УДК 341.231.14

Г. А. Руденков

ЗАЩИТА ЦИФРОВЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ

В статье описывается место цифровых прав в системе поколений прав человека, освещаются правовые акты, обеспечивающие их защиту. Сравниваются меры разных международных организаций по обеспечению защиты цифровых прав. Предлагается решение по улучшению охраны цифровых прав. Отмечается, что законодательное урегулирование использования искусственного интеллекта необходимо для предотвращения манипуляции общественным мнением при помощи неверных фактов. Подчёркивается недопустимость дискриминации людей при реализации их права на доступ к информации.

Права человека служат показателем условий, в которых развивается государство. В связи с непостоянностью исторического контекста изменялись права и их содержание, реализация, выражавшиеся в поколениях прав человека.

Изменения технического и социально-политического характера, под которые постоянно требуется адаптировать права человека, ставят под угрозу приватность в сети Интернет, создают условия для дискриминации, дезинформации и попрания свободы слова. Ответственность крупного бизнеса перед человеком выходит на качественно новый уровень.

Учёные-правоведы видят цифровые права как часть четвёртого поколения прав человека. А. Б. Венгеров причисляет к этому поколению в том числе и информационные права [1, с. 47]. Исследователи сходятся во мнении, что технологии создают новые условия для нарушения прав человека [2].

На наш взгляд, при причислении прав к четвёртому поколению следует опираться на общественные отношения, нормы в сфере информационных технологий, так как электронные устройства широко распространены, а без Интернета невозможно представить даже государственное управление. Переход в информационную эру – глобальное изменение в общественном укладе [3, с. 27].

По мнению В. Д. Зорькина, к цифровым правам следует отнести права людей на доступ, использование и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование коммуникационных сетей [4]. Всё это подтверждает тезис о цифровых правах как об адаптации уже существующих прав к информатизации общества.

Т. В. Сафонова называет цифровыми право на защиту от информации, причиняющей вред здоровью и развитию, право на забвение, право на защиту персональных данных, доступ к государственным электронным услугам, доступ в Интернет, право на цифровую связь и др. [5, с. 457]. Одна из основ цифровых прав – право на свободу мнений и неприкосновенность частной жизни [5, с. 456].

Основы цифровых прав закреплены в фундаментальных международных документах. Один из них – Всеобщая декларация прав человека – закрепляет право на защиту от вмешательства в личную и семейную жизнь, тайну корреспонденции, право на свободу